

№ 6 (294). ИЮНЬ 2015

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

МОСКВА. КРАСНЫЕ ВОРОТА.
ОТКРЫТКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Главный редактор А.Ф. Грушина

Редколлегия:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов),
А.А. Белай, В.Ф. Козлов,
В.В. Максименко,
А.С. Матросов

Художник-верстальщик:
С.В. Певцова

Редактор-корректор:
Г.Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского». 2015

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва, Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован Государственным Комитетом РФ по печати. Свидетельство № 012120 от 14.04.1999.

Подписано к печати 12.05.2015.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 5000 экз.
Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая Типография»:
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Материалы основных рубрик рецензируются.

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ 2 *Ирина Рудольфовна Монахова*
«...Сердце билось одно»
*Спор западников и славянофилов:
В.Г. Белинский (1811–1848)
и братья К.С. (1817–1860)
и И.С. (1823–1886) Аксаковы*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ 23 *Луиза Михайловна Карнишина*
«Все в ней было приятно и даже очаровательно»
*Страницы биографии сестры поэта
Е.А. Вяземской (1789–1810)*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 30 *Татьяна Алексеевна Ананьина*
Ах, как он хорош...
*О двух портретах графа
Н.Н. Муравьева-Амурского
работы К.Е. Маковского*

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 35 *Людмила Ивановна Зубатарева,
Тамара Ивановна Зубатарева*
У Красных ворот...
*Путешествие в прошлое
этого исторического места Москвы*

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ 40 *Архимандрит Иннокентий
(Просвирнин)*
**Труды и дни архиепископа
Димитрия (Самбикина. 1839–1908)**
*О деятельности этого выдающегося
церковного историка,
археографа, просветителя*

ТРАДИЦИИ 55 *Наталья Александровна Филаткина*
«Живые картины»
Из истории народных развлечений в России

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ 64 *Михаил Семенович Дубинин*
**Запись событий
на память себе и потомству**
Из дневника 1918–1919 годов

РЕПЛИКА 82 *Михаил Михайлович Попов*
Москва рекламная
*По поводу некоторых современных
рекламных вывесок*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ 89 *Валерий Николаевич Сергеев*
Поездка в Псков
*Эпизод из жизни выдающегося художника
русского зарубежья
Е.Е. Климова (1901–1990)*

Ирина Рудольфовна Монахова

«...Сердце билось одно»

Спор западников и славянофилов:
Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848)
и братья Константин Сергеевич (1817–1860)
и Иван Сергеевич (1823–1886) Аксаковы

*Б.И. Лебедев. Круг Белинского. Рисунок. 1940-е годы.
Комплект открыток «Белинский». М., 1981*

История взаимоотношений («дружбы—вражды») Белинского и Аксаковых стала яркой частью полемики западников и славянофилов — общественного явления, остающегося актуальным и в наши дни. Своеобразие этой полемики в период,

когда в ней участвовали В.Г. Белинский и К.С. Аксаков (а они фактически стояли у ее истоков), образно и точно охарактеризовал А.И. Герцен: «Мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно».

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

В 1881 году в газете «Русь» было впервые опубликовано шесть писем В.Г. Белинского, адресованных К.С. Аксакову. Публикация предварялась небольшим предисловием («Примечанием») редактора газеты И.С. Аксакова, во многом посвященным описанию среды общения Белинского и К. Аксакова в молодости, а именно — кружку Н.В. Станкевича, где они познакомились в начале 1830-х годов

К.А. Горбунов. Портрет В.Г. Белинского.
Акварель. 1938 год

и где до конца десятилетия оба являлись одними из самых активных участников. В «Примечании» Иван Сергеевич подчеркивал, что формирующиеся славянофильские убеждения брата вызвали все большее его идейное расхождение с кружком. *«По прямоте характера, К[онстантин] С[ергееви]ч в конце 1839 или в 1840 году открыто порвал сношения почти со всеми оставшимися в Москве адептами кружка. <...> В этом же 1840 году после одного или двух писем В.Г. Белинского, которые, к сожалению, не сохранились, последовал разрыв и между ними. Иначе и быть не могло. В это время уже слагался в К.С. проповедник того учения, которому сам Белинский дал, в раздражении, кличку «славянофильства» (разумея славянофильство Шишкова) и которое, по всеобщему теперь признанию, получило во всяком случае почетное значение в истории русского общественного развития»¹.*

Рассказывая вкратце о взаимоотношениях Белинского и К. Аксакова, И. Аксаков смотрит на ситуацию как бы глазами Константина (что понятно), считая воззрения Белинского 1840-х годов ошибочными, но при этом признает: *«Белинский был, независимо от своего критического таланта, человек замечательный по своей высокой честности и безусловной искренности, чуждой каких бы то ни было расчетов»².* И далее: *«Оба служили истине — как каждый из них ее понимал»³.*

Константин Сергеевич Аксаков.
Фотография А. Бергнера. 1850-е годы

Иван Сергеевич Аксаков

* * *

Вышеупомянутая публикация содержит записку без даты, о которой в «примечании» сказано, что она относится к 1836 или 1837 году; два письма, написанные в Пятигорске летом 1837 года (от 21 июня и 14 августа) во время путешествия критика на Кавказ; три письма 1840 года из Петербурга (от 10 января, 14 июня и 23 августа). Всего же из многолетней переписки «друзей—врагов» до нас дошло только восемь писем В.Г. Белинского и два письма К.С. Аксакова.

* * *

Записка посвящена в основном книге Белинского «Основания русской грамматики для первоначального обучения. Ч. 1. Грамматика аналитическая (этимология)», которую Виссарион Григорьевич издал в июне 1837 года, а теперь работал над второй частью. «Составляю синтаксис, — сообщал он. — Думал о грамматике — и опять с тобой не согласен». Несогласие касалось замечаний К.С. Аксакова, позже изложенных им в статье «О грамматике вообще. По поводу грамматики г. Белинского» («Московский наблюдатель». 1839. Кн. 1).

Записка писалась Белинским в тяжелый, переходный период его жизни. После закрытия журнала «Телескоп» (осень 1836) критик до начала сотрудничества в журнале «Московский наблюдатель» (весна 1838) не имел возможности публиковаться и был почти лишен средств к существованию. В ноябре 1837 года он писал М.А. Бакунину: «Я погибаю от мысли о долгах. <...> Знаешь ли ты, что иногда, принимаясь с жаром за какое-нибудь хорошее дело, за изучение чего-нибудь, за сочинение, я бросаю его с отчаянием, когда мне говорят о пришедшем кредиторе или о том, что хлеба нет, и бегу куда-нибудь, как будто бы надеясь убежать от самого себя? Знаешь ты, что, пиша к тебе эти строки, я беспрестанно бросаю перо, чтобы у печки отогреть мои окочевшие руки, потому что в комнате хоть волков морозь, а в кармане хоть выпись?»⁴ С К.С. Аксаковым Белинский делится своими планами: «Погодин затевает журнал и предлагает мне участие. Это пока тайна. Если не состоится то известное тебе журнальное дело⁵ — то, чёрт возьми, может быть, я и решусь. Но в таком случае сперва выторгую себе полную конституцию» (XI, 205). Однако планы Белинского не осу-

ществились: в журнале М.П. Погодина он в итоге отказался участвовать, а до сотрудничества в «Московском наблюдателе» было еще далеко.

* * *

Письмо из Пятигорска от 21 июня 1837 года красноречиво свидетельствует о настроении и состоянии дел Белинского в тот период. Ко всему прочему добавились долги: «Граматику не удалось издать за казенный счет — пришлось занимать, причем под поручительство отца К.С. и И.С. Аксаковых Сергея Тимофеевича Аксакова. Поскольку «Грамматика» продавалась плохо, в перспективе маячила не только бедность, но нищета, в связи с чем у Белинского впервые появляется намерение перебраться в Петербург, несмотря на его любовь к Москве. И в дальнейшем, отдавая должное историческому своеобразию Первопрестольной, радушию, прекрасным устремлениям и серьезным научным интересам москвичей, он все же критиковал их за недостаток активности в практических делах, слишком большую привязанность к традициям. Вот эта критика Москвы, которая позже, в 1840-х годах, была порой достаточно жесткой, и возмущала братьев Аксаковых.

Неизвестный художник. Сергей Тимофеевич Аксаков. Акварель. 1830-е годы

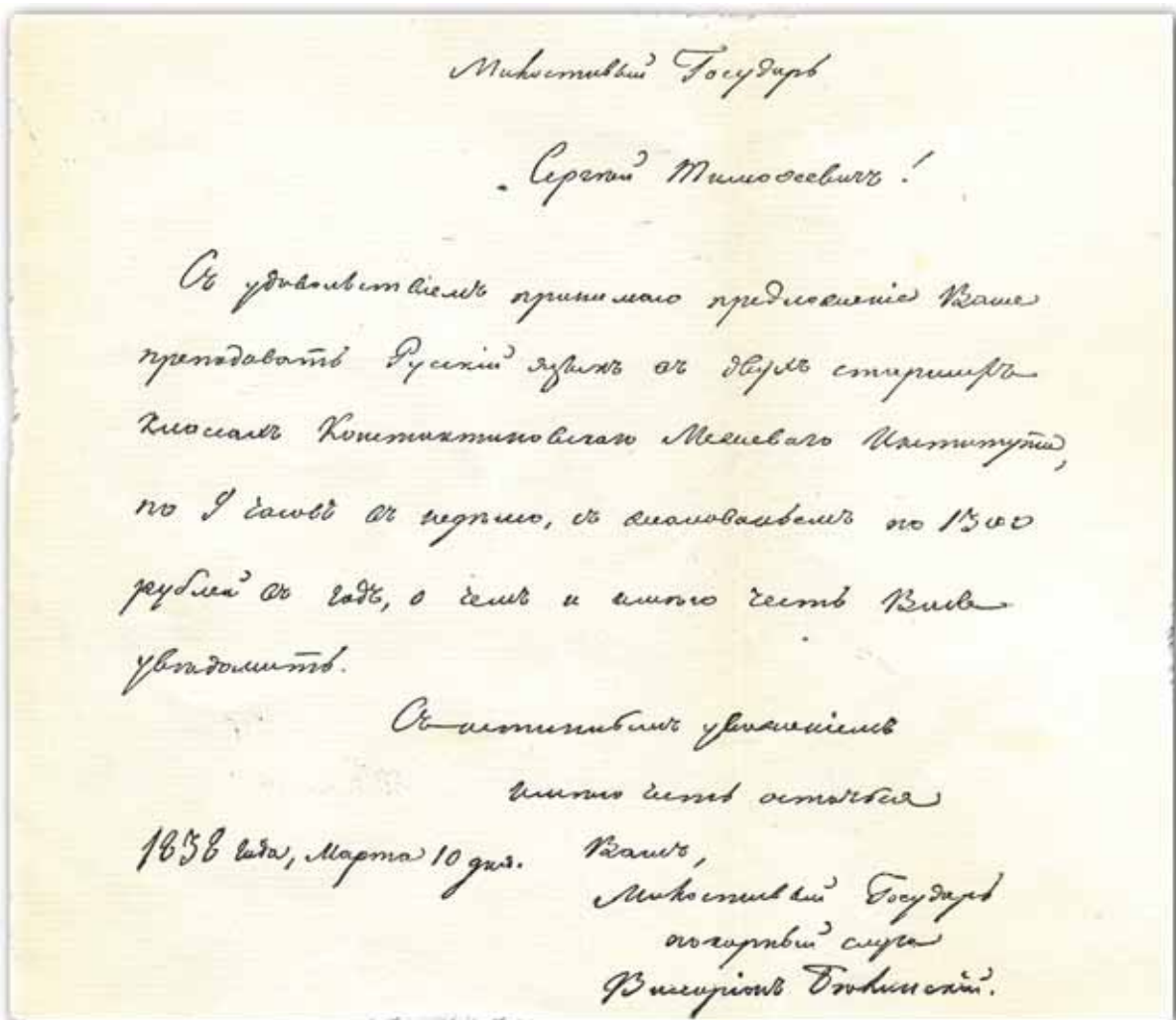
ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

Начало подобных настроений прослеживается как раз в пятигорском письме от 21 июня: «Еду в Петербург, потому что в Москве, кроме голодной смерти и бесчестия, ожидать нечего. <...> Итак, прости, Москва, здравствуй, Петербург. С Москвою у меня соединено все прекрасное в жизни; я прикован к ней; но и в Петербурге можно найти жизнь человеческую: затвориться от людей, быть человеком только наедине с собою и в заочных беседах с московскими друзьями, а в остальное время, вне своей комнаты, играть роль спекулянта, искателя фортуны, охоты по деньгам. Отчуждение заставит глубже войти в себя и в самом себе искать замены утраты всего, что было мило, а это милое — вы, друзья мои» (XI, 130).

Белинский пишет здесь также о предполагаемой рецензии К.С. Аксакова на «Граматику», убеждая поспешить и «говорить по совести», несмотря на дружеские отношения: «Это не будет приятельскою проделкою: ты можешь говорить <...>, что

думаешь, хвалить, что найдешь достойным хвалы, бранить, что найдешь дурным. О том нечего и говорить: даже и в случае решительного осуждения — чем резче, тем лучше» (XI, 131). Как уже отмечалось, рецензия была написана гораздо позже, а опубликована в 1839 году.

В Пятигорск Белинский ездил для лечения; в письме слышится надежда на исцеление и даже воодушевление перед лицом благодатной кавказской природы, которая «так прекрасна, что не удивительно, что Пушкин так любил ее и так часто вдохновлялся ею». Он чувствует в себе рождение новых творческих замыслов и прилив свежих сил для осуществления этих замыслов: «Думаю беспрестанно, развиваю мои мысли, составляю планы статей и прочего». О Пушкине: «Часто читаю Пушкина, которого имею при себе всего, до последней строчки» (XI, 132). Белинский уже вполне осознает великое значение поэта для русской литературы.

Письмо В.Г. Белинского С.Т. Аксакову от 10 марта 1838 года. Из книги: Н.Л. Волков. Виссарион Григорьевич Белинский как преподаватель Межевого института. М., 1902

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

Примечателен совет (и даже, может быть, настойчивый призыв) Белинского в конце письма: *«Мечтай, фантазируй, восхищайся, трогайся; только забудь о двух нелепых вещах, которые тебя губят, — магнетизме и фантастизме. Это глупые вещи. Я сильно начинаю разочаровываться в Гофмане, потому что никак не могу объяснить себе этой поэзии, сумасшедшей и болезненной»* (XI, 133). Виссарион Григорьевич поместил свои скептические высказывания о Гофмане рядом с восторженными рассуждениями о творчестве Пушкина, по-видимому, не случайно, а с целью особо подчеркнуть значение истинной поэзии в противоположность поэзии «сумасшедшей и болезненной».

* * *

Во втором письме из Пятигорска Белинский затрагивает тему переезда из Москвы в Петербург: *«Я не почитаю этого переезда неизбежным, не хочу продавать себя с аукциона, но все-таки думаю, что мне придется ехать в Петербург и предложить мои услуги хоть «Энциклопедическому лексикону». Рад бы писать и в «Библиотеку для чтения», но не решусь ни за что в мире, ни за какие блага, видеть мои статьи искаженными и переделанными не только рукою какого-нибудь негодяя Сенковского, но и самого почтенного и доброго Жуковского, или, сказать яснее, никого в мире»* (XI, 157).

Очень показательное признание, в котором просматривается вся дальнейшая судьба Белинского. В этот период неудач и испытаний перед ним встал жесткий выбор: *«Или продай свое убеждение, сделай из себя пишущую машину — или умирай с голоду. Москва самый глупый город в литературно-промышленном отношении: нет ни журналов, ни книгопродавцев»* (XI, 158).

Наглядным подтверждением мыслей Белинского о недостаточной журнальной активности москвичей отчасти стала долгая история с отзывом на его «Граматику» К.С. Аксакова. Рецензия последнего появилась, как мы помним, только года через полтора после выхода книги. У Белинского подобная медлительность вызывает явное недоумение: *«Ты что-то и где-то сбирался написать об ней — что же медлишь? Ведь о ее выходе, кроме моих знакомых, никто не знает — как же идти ей?»* (XI, 160).

Пространно размышляет Белинский об историке, журналисте, издателе Николае

Ивановиче Надеждине. Если в предыдущем письме он сосредоточился на критике некоторых надеждинских статей, особенно о пушкинской «Полтаве», и лишь мельком упомянул какой-то, по-видимому, неблагоприятный поступок Николая Ивановича по отношению к нему, то здесь во всех подробностях рассказывается еще об одном поступке подобного рода. В Пятигорске Белинский встретился с генералом И.Н. Скобелевым, которому Н.И. Надеждин указал на Белинского как на автора анонимного резко отрицательного разбора его (Скобелева) статьи, опубликованного в феврале 1835 года в редактируемой Надеждиным газете «Молва». На самом деле эта рецензия принадлежала Н.С. Селивановскому. Белинский поражен: *«Какое Николай Иванович? Не говоря уже о том, что он не знает, кто и что у него пишет, он еще выдает голову сильному человеку своего сотрудника, который мог безвозвратно погибнуть от одного слова этого сильного человека?»* Тем не менее, отношение Белинского к Надеждину осталось неоднозначным: Виссарион Григорьевич никогда не забывал, что весьма успешное начало его литературной деятельности было связано именно с надеждинскими изданиями — «Телескопом» и «Молвой». В итоге Белинский замечает: *«Впрочем, Бог с ним; желаю ему всякого счастья от всей души; готов сделать ему всякое добро, если бы нашел для этого случай; но также не упустил бы случая вывести наружу все его литературное поведение, от статей в «Вестнике Европы» против Пушкина до статей в «Библиотеке для чтения»»* (XI, 159).

* * *

К этому периоду относится весьма важное (не сохранившееся) письмо Белинского от 25 ноября 1839 года, в дальнейшем существенно изменившее характер взаимоотношений критика с К.С. Аксаковым. Резкая реакция Константина Сергеевича стала поводом для написания Белинским первого из трех упомянутых выше петербургских писем.

За истекшие почти 2,5 года в жизни Виссариона Григорьевича произошли значительные перемены, ознаменованные переездом в Петербург, началом сотрудничества в «Отечественных записках» и отказом от «примирения с действительностью». Однако его отношение к К.С. Аксакову

по-прежнему остается дружеским, несмотря на усиливающиеся мировоззренческие разногласия. Об этом говорит начало письма от 10 января 1840 года, где Белинский просит извинения за предыдущее послание (не сохранившееся) — по мнению К.С. Аксакова, откровенное более допустимого между ними. Странно: Белинский, человек тонкой нервной организации, в данном случае не ощутил существующей здесь границы, не понял, что с Аксаковым и невозможно вести себя столь же коротко-доверительно, как, например, с Н.В. Станкевичем, В.П. Боткиным, М.А. Бакуниным, А.В. Кольцовым, а позже с А.И. Герценом, И.С. Тургеневым, П.В. Анненковым и другими. Невозможно прежде всего по идейным соображениям. Но, по-видимому, «человеческий фактор» имел немалое значение. Многие участники кружка Станкевича как бы «выламывались» из своего социального слоя, ища духовного общения и поддержки среди друзей, а не родственников; у К.С. Аксакова ситуация была, скорее всего, противоположная.

Или Виссарион Григорьевич, все это прекрасно понимая, надеялся со временем если не переубедить К.С. Аксакова, то хотя бы в сфере чисто человеческих отношений свести на нет влияние идейного противостояния, внушить, что различие взглядов — не препятствие для сохранения добрых чувств друг к другу, — как в случае с С.Т. Аксаковым, о чем Белинский говорит в конце письма: *«Мой искренний поклон Сергею Тимофеевичу. Верь, Константин, что я уважаю твоего отца искренно, хотя он, как мне кажется, и предубежден против меня. Что нужды! Я рад, что мои предубеждения против него кончились. Наши лета и понятия разнят и рознят нас, но я, тем не менее, уважаю его за верное чувство поэзии и за добрый и благородный характер. Да, в Петербурге таких людей не много»* (XI, 435). То же относится и к К.С. Аксакову: *«Будь уверен, милый Константин, что, несмотря на все, я люблю тебя. <...> Не прошу тебя о любви и дружбе, будучи в них так уверен, что не поверил бы самому тебе, если бы ты вздумал меня разубедить [в них]. Если тебе покажется так — не верь себе, а я давно уже не верю себе в подобные минуты»* (XI, 433–434).

Это письмо обозначило перелом в их отношениях, поворот от дружеских, непосредственных, начавшихся в кружке Станкевича, к более сдержанным и прохладным, «на расстоянии». Причем, по словам

И.С. Аксакова, данная метаморфоза произошла именно на идеологической почве: *«Пока Белинский жил в Москве, он еще оставался верен чистому философскому и эстетическому направлению; долее всех сохранял с ним и К[онстантин] С[ергеевич] если не дружеские, то товарищеские связи. С переездом Белинского в Петербург и с постепенным изменением его воззрений эти отношения стали охладевать»*⁶.

Сыграла свою роль и разность характеров. Белинский — человек пламенного темперамента — бывал резок как в разговоре, так и в письмах, за что получил от друзей прозвище «неистовый Виссарион». При этом они ценили искренность, высокие нравственные качества Белинского, понимая (порой с сочувствием): «неистовость» сжигает в первую очередь его самого. Константин Сергеевич, по-видимому, за многие годы знакомства так и не смог привыкнуть к этой особенности натуры Белинского, научиться различать за «неистовостью» светлую сущность, хотя Белинский ему и признавался: *«Для меня враждебность стала любовью, и только равнодушие к человеку есть необманчивый признак, что я его не люблю. А к тебе я очень неравнодушен, потому что часто остережняюсь против тебя. Что делать! — Я люблю по-своему»* (XI, 434).

Извиняясь же за «грязное и не эстетическое письмо», Белинский замечает: *«Вижу, что поступил неловко. Я забыл, что не ко всем можно являться в халате, а к одним во фраке, другим в сертуке, смотря по отношениям. Вижу — и мне это горько — что главная ошибка моего письма — в адресе. Еще раз прости меня и будь уверен, что вперед личность моя будет являться к тебе для тебя, а не для себя и тебя вместе. В самом деле, странно требовать, чтобы состояние нашего духа равно интересовало всех, особенно, когда мы уверены, что некоторых оно интересует всегда и во всяком виде. Еще раз — прости!»* (XI, 433). Итак, дружба явно дала трещину, если не вообще закончилась, уступив место обычной вежливости, и произошедший вскоре разрыв не был внезапным.

О содержании того несохранившегося письма Белинского можно судить — хотя и в очень общих чертах — по ответу К.С. Аксакова от 11 января 1840 года: *«Ты нападаешь на Русских, на народность их, и между тем в письме твоем ты являешься Русским по преимуществу (по твоему*

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

определению Русского человека) в отношении к вони. Оно, конечно, запах силен, но все мне гадко оставаться в нужнике: таково письмо твое. — Ты говоришь еще о действительности, с которой ты в сотый раз уже, кажется, знакомишься. Но действительность (впрочем, ты не понимаешь этого слова), которую ты постигал столько раз, знаешь ты только по слухам; ты все слышишь звоны, да не в той стороне. — Развиваться значит предыдущее полагать в себе моментом и идти далее, а не то, чтоб целый век прыгать с ноги на ногу и качаться из стороны в сторону на одном месте. Эти слова — ответ не только собственно на последнее письмо, но на твой образ мыслей, на все, что ты пишешь и думаешь, на твое так называемое развитие. Прощай»⁷.

Возможно, несколько наивно выглядит упрек 22-летнего К.С. Аксакова В.Г. Белинскому в непонимании действительности и неумении развиваться. Отчасти проясняет ситуацию взгляд с другой стороны — слова Белинского из письма Н.В. Станкевичу того же периода от 29 сентября (8 октября) 1839 года: «В нем (К.С. Аксакове. — *И. М.*) есть и сила, и глубокость, и энергия, он человек даровитый, теплый, в высшей степени благородный, но, благодаря своему китайскому элементу, лишаящему его движения вперед путем отрицаний, он все еще обретается в мире призраков и фантазий и даже и не понюхал до сих пор действительности. <...> Сделавши определение, Акс[аков] умрет и не расстанется с ним, боясь упасть в соб-

ственных глазах. <...> С Акс[аковым] мои отношения хороши. Я вижу с ним с удовольствием и, когда увижу его, то люблю, а когда не вижу, то чувствую к нему род какой-то враждебности. Чудный, прекрасный человек, богатая и сильная натура, но я не знаю, когда он выйдет из китайской стены своих ощущений и чувств, своей детскости, в которых с таким упорством и с такою неподвижностью так мандарински пребывает. Чудак! Он мечтает о себе, как о человеке возмужалом!» (XI, 394—406).

К сожалению, немногочисленность писем К.С. Аксакова к В.Г. Белинскому значительно ограничивает наши возможности в предпринятом исследовании. Кроме процитированного выше, сохранилось лишь одно письмо, написанное в августе—сентябре 1838 года во время путешествия по Германии и Швейцарии. Это довольно длинное, выдержанное в романтическом духе и тем самым резко контрастирующее с письмом 1840 года послание, заполненное путевыми впечатлениями, рассуждениями о немецкой поэзии, философскими размышлениями. Интересно его окончание, показывающее процесс формирования славянофильских взглядов автора: «Сдесь (так в оригинале. — *И. М.*), странное дело, беспрестанно встречая новые предметы, я почти непрерывно вспоминал и думал о России, о ее значении, и сдесь она занимала меня больше. Не думайте, чтобы все то, что я увидал, не произвело на меня никакого впечатления; напротив, чем сильнее оно было,

Б.И. Лебедев.
Полемика
Белинского
со славяно-
филами.
Рисунок.
1940-е годы.
Комплект
открыток
«Белинский».
М., 1981

тем яснее, смотря на эту Западную жизнь, представлял я себе наш Восток; тем определеннее становился для меня его характер. Некоторые называют наш Восток Азиатским. Совершенный вздор. Это Европа, только не Западная; развивающаяся особенно. История Русская, язык Русской, народ — все это яснее для меня теперь. <...> Несмотря на то, что мне нравится эта простая семейная Германия, но она несколько тесна для нас русских»⁸.

Кстати, зарубежные впечатления славянофильски ориентированного К.С. Аксакова по настроению, в сущности, весьма близки (за исключением романтического флера, которого у критика на закате жизни, конечно, не было) впечатлениям «западника» Белинского, ездившего за границу для лечения в 1847 году: «О Берлине распространяться не буду: город довольно скучный. Хуже всего в нем вода: вонючая, мерзкая, которую невозможно даже полоскать рот и которую противно умываться. Я было принял за пиво, но скоро увидел, что надо быть немцем, чтобы каждый день пить эту мерзость, и заменил пиво искусственною зельтерскою водою. <...> На другой день <...> мы <...> уехали в Саксонскую Швейцарию. Утро было прекрасно и обещало жаркий день; но часам к десяти погода начала портиться, и день был ни то ни се. Я ходил пешком, ездил верхом, носили меня на носилках, только на ослах не ездил; видел чудную природу, прекрасные и грандиозные местоположения; видел на скалах по берегу Эльбы развалины разбойничьего рыцарского замка, неприступного, как орлиное гнездо, видел развалины одного из тайных судилищ, столь знаменитых и страшных в средние века. Но все это скоро надоело мне. У меня ужасная способность скоро привыкать к новости. И потому мне в тот же день показалось, что я лет сто сряду видел все эти дива дивные и они давно мне наскучили, как горькая редька» (XII, 366–367). (Письмо жене, М.В. Белинской, от 24 мая (5 июня) 1847 года из Зальцбрунна.) «Я ездил в Европу только затем, чтоб убедиться, что я вовсе не для путешествий рожден. Был я, например, в Саксонской Швейцарии; на минуту меня было заняли эти живописные места, но скоро мне надоело, как будто я знал и выучил их наизусть давным-давно. Скука — мой неразлучный спутник, и жду не дождусь, когда ворочусь домой. Что за тупой, за пошлый народ немцы! <...> Что за нищета в Германии, особенно в не-

счастной Силезии, которую Фридрих Великий считал лучшим перлом в своей короне. Только здесь я понял ужасное значение слов павперизм⁹ и пролетариат. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожай и голод местами, там есть плантаторы-помещики, третирующие своих крестьян, как негров, там есть воры и грабители чиновники; но нет бедности, хотя нет и богатства. Лениость и пьянство производят там грязь и лохмотья, но это все еще не бедность. Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат! Здесь еще счастлив тот, кто может с своею собакою и своими малолетними детьми запрячь себя в телегу и босиком возить из-за Зальцбрунна во Фрейбург каменный уголь. Кто же не может найти себе места собаки или лошади, тот просит милостыню. По его лицу, голосу и жестам видно, что он не нищий по ремеслу, что он чувствует весь ужас, весь позор своего положения: как отказать ему в зильбергроше, а между тем, как же и давать всем им, когда их гораздо больше, нежели сколько у меня в кармане пфеннигов? Страшно!» (XII, 383–384. Письмо В.П. Боткину от 7 (19) июня 1847 года.)

Возвращаясь к последнему периоду переписки наших героев, следует отметить, что 1840 год для «неистового Виссариона» был переломным не только в отношениях с К.С. Аксаковым, но и в его мировоззрении, вообще в жизни. Он недавно, всего несколько месяцев назад, переехал из Москвы в Петербург, испытал при этом в известной степени шок. Резкость контраста петербургской действительности в сравнении с московской потрясла критика и заставила его многое пересмотреть и в своих идейных убеждениях, и в своей литературной деятельности. «Пребывание в Питере для меня тяжело — никогда я не страдал так, никогда жизнь не была мне таким мучением, но оно для меня необходимо. Я бы желал и тебе пожить в этой отрицательно-полезной сфере», — сообщает он К.С. Аксакову в письме от 10 января 1840 года — сообщает лаконично, что соответствует тому стилю общения, о котором Белинский говорил в этом же письме выше: «Личность моя будет являться к тебе для тебя, а не для себя и тебя вместе», иными словами, не «в халате», а «в сартуке».